

14.3.96.

Евтушенко Евгений

ПОРТРЕТ ПРОГРАММЫ

Общая газ. - 1996. - 14 марта. - с. 13.
От героизма — к гедонизму

Поэзия как наслаждение

БПУСТИВ в свет свою антологию «Строфы века», собрав по этому случаю изрядный урожай разноречивых откликов, Евгений Евтушенко приступил к немедленному переизданию этой книги телевизионным способом. И правильно сделал! Продажная цена у антологии отнюдь не демократичная: полтора-два тысяч целковых. Те, кто любит и умеет читать стихи, как правило, еще не научились зарабатывать такие деньги. А те, для кого эта сумма — пустяк, едва ли способны отличить символизм от акмеизма. Так почему бы не собрать и тех, и других у голубого экрана и не почитать им вслух?

Отвергнутая на ОРТ, авторская программа Евтушенко нашла приют на РТР. Суббота, тринадцать тридцать считается временем не самым выгодным, но это — как посмотреть. Поэзия требует от читателя-слушателя не вечерней усталой расслабленности, а утренней бодрости и свежести: надо поработать умом и душой, приложить некоторое усилие — и тогда можно получить большую энергетическую прибавку из того фантастического по силе источника, который называется русской поэзией. И Евтушенко как проводник этой энергии, что называется, человек на своем месте. Он всегда отличался завидной эстетической всеядностью, свободой от резких вкусовых крайностей, умением получать равное удовольствие от стихов Слуцкого и Анненского, Бунина и Бальмонта, Брюсова и Гиппиус. И это видно, слышно потому, как поэт читает тексты столь разных кумиров Серебряного века. Можно притворяться более

умным, более эрудированным, чем ты есть на самом деле, но притворно имитировать искреннее эстетическое наслаждение — невозможно. Может быть, настоящее понимание стихов и заключается в умении их «вкусно», если угодно — «с кайфом» прочесть вслух. Прежде всего — для себя самого.

Ну, а если при этом присутствуют телесвидетели — они невольно вовлекаются в эту эстетическую наркоманию. Ведь приобретение к стиху всегда начинается не через письменные тексты, а через звучащее слово. В поэзию влюбляются ушами — слыша заветные строки и строфы в родительском доме, в школе (кому повезло с учителями), в «исполнении» хорошего друга или любимого человека. Это уже потом мы открываем книги и учимся перелаживать нотные значки букв в движение собственных эмоций.

Потому ничего дурного не вижу в том, что Евтушенко подает поэзию начала века «через себя» — он делится своим читательским опытом, честно исповедуется, как шел от непонимания к пониманию. Вот в одной из бесед (мне довелось посмотреть ее рабочую запись: скоро она появится в эфире) он вспоминает, как его за стихи «Ты спрашивала шепотом...» сравнили с Игорем Северяниным, как он тогда обиделся: «Какой я Северянин, дураки!..», а потом научился находить вкус в творениях автора «Ананасов в шампанском». Эгоцентризм и самохвалство Северянина, по словам составителя «Строф века», «неоскорбительны для других поэтов». Эту характеристику до не-

которой степени можно применить и к самому Евтушенко как пропагандисту русской поэзии.

В эпиграф передачи вынесена небезызвестная строка пятистопного бесцензурного ямба: «Поэт в России больше, чем поэт». Однако весь ход телевизионного стихомарафона убедительно опровергает данную формулу. Нет, поэзия — это не более чем поэзия. Невероятный всплеск творческой гениальности в период Серебряного века и ранних двадцатых годов привел к созданию огромного массива художественных ценностей, но, конечно же, не смог совершить ничего героического, не смог предотвратить жесточайшего торжества тоталитаризма. Все попытки Евтушенко «политизировать» свое повествование выглядят достаточно наивными и примитивными: и когда он преувеличивает значение откопанного им Владимира Шировского, приписывая его средне-эпигонским стихам «пушкинское очарование», и когда он комментирует двестише Гиларовского «В России две напасти: внизу власть тьмы, а наверху тьма власти» в том духе, что сегодня, мол, то же самое. Да все обо всем уже тысячу и тысячу лет назад сказано — и в стихах, и в прозе. Отыскивать в мировой словесности злободневные «цитаты дня» — занятие весьма инфантильное. Реально говоря, поэзия может дать человеку только эстетическое наслаждение, а уже сопутствующая данному процессу энергия может быть превращена в энергию поступка. Но это уже, как говорится, из другой оперы.

Потому более всего убедителен Евтушенко не в пророческой позе, а в минуты, когда, прочитав, к примеру, сологубовские «Чертовы качели» (любовью к ним «заразил» его Корней Чуковский), безо всякой риторики признается: «Какие дивные стихи! Какое наслаждение их читать!» Лучшая, на мой взгляд, передача цикла, состоялась в минувшую субботу и была посвящена Блоку: на экране иллюстрации Юрия Анненкова, за кадром музыка Шнитке. Вот Евтушенко читает стихотворение «Превратила все в шутку сначала...». В моем поколении и в моем кругу немислимо было не знать этой вещи наизусть. Но лет двадцать как-то не доводилось вспоминать стихотворение, артикулируя его про себя. Дойдя вместе с ведущим передачи до строк «что ж, пора приниматься за дело, за старинное дело свое...», не мог не испытать того, что мы в молодые годы шутя называли «катарсисом верхних дыхательных путей». Очень дельным был разговор о «Двенадцати»: формула Евтушенко «поэма навсегда» отлично перекрывает все многолетние идеологические спекуляции вокруг блоковского шедевра.

Любопытно, как пойдет дело дальше. Преодолеет ли Евтушенко свойственное ему предубеждение к поэтическому авангарду, уйдет ли он от явного раздувания реальной роли поэтов типа Ярослава Смелякова? В ближайшую субботу собираюсь выключить телефон с половины второго до двух часов дня.

Владимир НОВИКОВ